

Б.В. Межуев. Хочу обратить внимание на момент, связанный с путешествиями и в какой-то степени с Владивостоком. Действительно, зачастую в русской философии клишированные оценки Востока даются людьми, которые там не бывали. Владимир Соловьев – очень яркий в этом смысле пример. Но были и некоторые значимые путешествия на Восток. Одно из таковых – путешествие цесаревича Николая Александровича. В 1891 году на фрегате «Память Азова» он, в отличие от других наследников, посетил не западные страны, а восточные. Вчера нам посчастливилось увидеть некоторые свидетельства этого путешествия во Владивостоке.

В ходе путешествия у будущего императора родилась, возможно, великая, а возможно, трагическая идея о том, что России суждена восточная миссия, миссия объединения всей Азии, всего Востока, спасения Азии от западного, в том числе колониального, влияния. Это очень интересная тема, еще далеко не исследованная в истории русской мысли.

Но сейчас обратимся на два столетия назад, к началу XIX века. Один из выдающихся исследователей русской консервативной мысли начала XIX века Аркадий Юрьевич Минаков – об образе Востока в русском консерватизме и, в частности, об образе Китая.

Образ Востока в русской консервативной мысли начала XIX века

Этот доклад подготовлен в контексте предшествующих Бердяевских чтений, которые традиционно были посвящены консервативной проблематике.

В настоящее время я пишу книгу об одной из центральных фигур начала XIX века – Михаиле Леонтьевиче Магницком. Это один из наиболее негативно мифологизированных персонажей русской истории XIX века, либеральные современники называли его «разрушителем Казанского университета», «мракобесом», «обскурантом», ему приписывались самые зловещие планы по разрушению университетского образования в России. Деятельность Магницкого разворачивалась на территории Казанского учебного округа. Занимаясь его биографией, я обнаружил такой факт: оказывается, М.Л. Магницкий вынашивал планы создания института восточных языков в Астрахани, намеревался «поставить Казанский университет в сношение с учеными сословиями Индии и возложить на него собирание сведений обучения браминов, указав источник последнего в преданиях христианского патриарха и апостолов в Индии сохранившихся» [3, с. 42]. Эти намерения Магницкого неизбежно ставили передо мной вопрос: откуда возник такой интерес к Индии, ее ученым сословиям, учениям браминов и т.д. Поглубже погрузившись в эту тему, я обнаружил, что русский консерватизм, который возник в начале XIX века, буквально с первых своих шагов испытал сильнейший интерес к Востоку.

Этот интерес возник в среде консервативных интеллектуалов того времени в результате колоссального разочарования в просвещенческом западно-европейском проекте. Практическое воплощение этого проекта – Французская революция, начавшаяся в 1789 году, ее террор, военная агрессия, радикальная борьба с монархией, аристократией и католической церковью – вызывали у консерваторов устойчивое ощущение, что старая европейская культура, старый режим умерли и, соответственно, необходимы новые идеи, новый проект, противостоящие Просвещению, которые дали бы новый импульс этой культуре и государственному порядку.

И вот в рамках консервативного романтизма, который являлся реакцией на Просвещение и практики Французской революции, возникла мощная тяга к ориентализму, убеждение в том, что именно Восток даст ту систему ценностей, которая омолодит гибнущую в конвульсиях революций Западную Европу. Такой ориентализм должен был составить основу новой самобытной культуры, которая спасет и Россию, и Запад.

Здесь особую роль сыграли немецкие романтики – Новалис, Шеллинг, Гете и, в особенности, Фридрих фон Шлегель, который в 1808 году выпустил

*Минаков Аркадий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма.
E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru*

«Очерк о языке и мудрости индийцев» [4]. Согласно Шлегелю, греческий, латинский, немецкий, арабский, персидский языки и все основные мировые религиозные идеи происходят по прямой линии от древнеиндийской культуры; соответственно, общемировые, в том числе европейские, корни находятся на Востоке, культуры Востока и Запада одинаково богаты, а истоки западной культуры коренятся в восточной.

Небольшой трактат Шлегеля оказал серьезное влияние на консерваторов Европы и России. В их среде возникла идея о необходимости изучить восточное наследие, ввести в научный оборот восточную мудрость, и как введение в оборот античных рукописей вызвало Ренессанс, так и сейчас должен произойти своего рода восточный Ренессанс, опирающийся на духовное наследие Востока.

В такой идейной атмосфере началась деятельность графа Сергея Семеновича Уварова. Это знаковая фигура и русской мысли, и русского просвещения, и русского консерватизма. Уваров – создатель знаменитой триединой формулы – «Православие, Самодержавие, Народность», которая является квинтэссенцией русского консерватизма и традиционализма. Этот лозунг противопоставлялся знаменитой французской триаде: «Свобода, Равенство, Братство». Уваров долгие годы был министром народного просвещения при Николае I. При этом он был крупным ученым, признанным европейским научным сообществом, и, что важно подчеркнуть, именно он создал систему школьного и университетского образования России в николаевское время, которая с определенными видоизменениями в своих основных параметрах существует и по сейчас.

Интерес к Востоку у Уварова был отнюдь не абстрактным, он начинал свою карьеру дипломатом, его непосредственный начальник, Александр Куракин, был представителем Александра I на переговорах с Наполеоном в Тильзите и Эрфурте в 1807 и 1808 годах. Уваров сопровождал его в качестве атташе посольства и знал, что Александр и Наполеон обсуждали возможность отобрать у Англии Индию и расчленив Османскую империю. Естественно, подобного рода масштабные намерения вызвали объективную потребность в востоковедческих исследованиях. В 1810 году из-под пера Уварова возникает документ, появление которого стало этапным моментом в русской консервативной мысли. Это был первый большой труд Уварова, который назывался «Проект Азиатской Академии» [2]. В этой идеологической программе намерения русских консерваторов в отношении Азии, их ожидания от Азии выразились в предельно ясной, четкой, концентрированной форме. В проекте впервые определились взгляды самого Уварова на то, что он понимал под традицией в ее связи с религией, историей, национальной культурой.

Уваров пытался убедить царя, российскую самодержавную власть создать первую востоковедческую Азиатскую Академию. Вслед за Шлегелем он утверждал, что Восток – колыбель мировой цивилизации, Азия – центр, откуда просвещение распространилось по всему Земному шару, и именно Азия является фундаментом грандиозного здания европейской цивилизации.

Особенно большую роль сыграла Индия. Там были сделаны первые шаги человеческой цивилизации и сразу же были достигнуты наивысшие показатели зрелости человечества – религия, философия, законы, поэзия. Европа лишь заимствовала индийскую мудрость, как писал Уваров: «греческие мудрецы искали учености в Индии, заимствовали у индийской философии свои научные и нравственные идеи» [2, с. 65]. Свои религиозные идеи греки также заимствовали с Востока – из Финикии и Египта. Затем эта мудрость перешла к Риму, римляне заимствовали от греков религиозно-философскую систему, и идеи Востока вместе с Римом сформировали современный Запад. Такова логика всемирной истории в изложении Уварова.

Что предлагал Уваров? Его записка представляет собой своего рода меморандум, как практически создавать Академию. Важнейшей целью Академии была борьба с духом материализма, атеизма и рационализма, захлестнувшего тогда Европу и Россию. С его точки зрения, обращение к восточной мудрости могло привести к новациям в изучении Библии, опровергнуть аргументы французских идеологов-просветителей XVIII века, собравших против Священного Писания все софизмы своей жалкой диалектики, опозоривших прекрасное имя «философ». То есть с Востока должны были прийти импульсы христианского обновления.

Изучение восточных языков, расширение сведений о них, с точки зрения Уварова, должно было привести к тому, что «мы обнаружим грамматическую систему настолько совершенную, насколько это достижимо для человека». Он имел в виду санскрит, в котором видел совершеннейший язык, дарованный человечеству изначально. То есть он утверждал, что высшее грамматическое совершенство существовало еще в колыбели цивилизации, и человечество, таким образом, явилось на свет во всеоружии интеллекта, что, с точки зрения Уварова, было доказательством библейского предания о сотворении мира как совершенном божественном акте [2, с. 72; 1, с. 32].

Записка Уварова содержала общую картину развития мировой философии. Философские идеи зарождаются на Востоке, затем их заимствуют Пифагор, Гераклит, Фалес, в особенности Платон, затем Пифагоро-Платоновско-Александрийская школа производит на свет гностиков, Талмуд и философию христиан, арабы приносят сочинения Аристотеля в Испанию, оттуда они распространяются по всему Западу. Европа, таким образом, обязана Востоку и схоластической средневековой философией. Поэтому необходимо собрать в Азиатской Академии все восточные тексты, осуществить их перевод, сравнить между собой, произвести классификацию и публикацию результатов, и это была бы великая услуга современной философии.

Естественно, в проекте было расписано, какие языки, какие предметы, какие произведения надо изучать будущим русским востоковедам. Но все же цель Академии – не узко-академическая: «устав от кровопролития, совершаемого именем человеческого разума, – писал Уваров, – не можем находиться в ожидании потрясений, которые бы его возобновили. Мы призваны защищать огромные развалины, восстанавливать, а не строить новые здания. Те же причины, которые двигали вперед платонизм... должны заставить нас применить к изучению древности всю ту сумму знаний, имеющихся в современной Европе» [2, с. 79]. Древние источники способны, по его убеждению, «придать разуму новые силы и свежесть, которые уверенно предвещают великие эпохи увековечиванием присутствия и творением гения» [2, с. 79]. Подобного рода консервативными, традиционалистскими установками Уваров изначально и руководствовался в своей деятельности.

Записка Уварова получила широчайший резонанс. Достаточно сказать, что на нее благожелательно откликнулись Гете, Наполеон, великая княгиня Екатерина Павловна. Жозеф де Местр поздравил Уварова с нападением на XVIII столетие, самую постыдную, по его мнению, эпоху человеческого духа, поздравил с отважной проповедью добрых старых принципов, таких как божественное происхождение человеческого общества и речи [2, с. 34]. В 1811 году Уваров был выдвинут в почетные члены Императорской Академии наук.

Всю дальнейшую жизнь Уваров как президент Академии наук (с 1818) и министр народного просвещения (с 1833) серьезно занимался Востоком и поддерживал востоковедческие проекты. При нем Россия превратилась в один из мировых центров изучения Востока [2, с. 31–32].

Таким образом, генеалогия русского консерватизма изначально включала в себя пристальный и системный интерес к Востоку. Консервативный ориента-

лизм усматривал в изучении Востока возможность создания самобытной культуры, построенной на позитивных традициях, на твердых религиозных основаниях, позволяющих избежать европейской революционной «заразы». А «Проект Азиатской Академии» С.С. Уварова необходимо поставить в один ряд с такими основополагающими манифестами русского консерватизма, как «Рассуждение о старом и новом слоге языка российского» А.С. Шишкова, «Мысли вслух на Красном крыльце» Ф.В. Ростопчина и «Запиской о древней и новой России» Н.М. Карамзина.

Литература

1. Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999.
2. Уваров С.С. Проект Азиатской Академии // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
3. Феоктистов Е.М. Магницкий: Материалы по истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 7.
4. Schlegel Fr. Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808.

Аннотация. В сообщении рассматривается феномен консервативного ориентализма в России в начале XIX века, представленный в записке С.С. Уварова «Проект Азиатской Академии». Рецепция древних восточных традиций воспринималась русскими и западно-европейскими консерваторами как условие создания самобытной культуры, предохраняющей от революции.

Ключевые слова: ориентализм, консерватизм, русский консерватизм, С.С. Уваров, «Проект Азиатской Академии».

Arkady Minakov, Ph.D. in History, Professor, Voronezh State University; Director, Center for Conservative Studies. E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

Orientalism in the Russian Conservative thought of the Tarly Nineteenth Century

Abstract. The article studies the phenomenon of conservative Orientalism in Russia in the early nineteenth century, presented in S. Uvarov's work "Project of the Asian Academy". Ancient Eastern traditions were perceived by Russian and Western conservatives as a precondition for a distinctive culture which can guard against a revolution.

Keywords: orientalism, conservatism, Russian conservatism, S. Uvarov, "Project of the Asian Academy".

Б.В. Межуев. Аркадий Юрьевич обратил внимание на важнейшую фигуру Сергея Семеновича Уварова, который, помимо всего прочего, видимо, является основателем одной из самых выдающихся школ востоковедения – петербургской. В обращении России к Востоку есть великая загадка, которая была предметом внимания русских поэтов и писателей, – почему такое увлечение Востоком имело место именно в Петербурге, самом западном городе империи. Так называемые восточники, как правило, все были из Петербурга. Андрей Белый, когда он

писал свой роман «Петербург», задавался той же проблемой – о таинственной связи этого города и души Востока и в первую очередь конечно, китайской души. Именно тема Китая и Петербурга, тема Китая и Российской империи в тот момент волновала этого русского поэта и писателя.

Исходя из этого, предоставляю слово профессору МГУ, заведующему кафедрой истории русской философии Михаилу Александровичу Маслину.